

Уличный торговец тоже оказался не промах:

— Не хочешь продавать — проваливай! Да я и сам у тебя ничего не куплю. Цены на эти шпильки падают с каждым днём, а ты ещё поминаешь, что было месяц назад! Сам погляди: сколько людей торговало ими тогда, а сколько сейчас? Покупателей нет, все начали сбивать цену. Рано или поздно они подешевеют до своего первоначального грошового уровня. Двадцать вэней — это я ещё щедро даю, завтра и этого не получишь.

Разве могли эти хапуги согласиться на такую дешёвку? Ведь они платили своим работникам по пятьдесят два вэня за штуку! Продать сейчас в убыток означало никогда не расплатиться с долгами. Уж лучше придержать товар, выждать время и посмотреть, вдруг цены снова поползут вверх.

Только вот Е Сяои и Мо Юэ давно вышли из игры. Рынок оказался настолько перенасыщен, что этот процесс уже никто не мог остановить. Крупные лавки успели сорвать куш, а когда набежали толпы конкурентов, им пришлось опустить цены до предела, а то и вовсе свернуть торговлю.

Цены таяли на глазах. Местные заправилы, которые набрали долгов под честное слово и понастроили мастерских, теперь буквально исходили слезами. С каждым днём ожидания они теряли всё больше, но продать товар сейчас означало навсегда распрощаться с надеждой вернуть своё.

В конце концов у кого-то сдали нервы. Они принялись избавляться от товара по десять вэней за штуку, теряя по сорок два вэня на каждой шпильке — и это без учёта расходов на дорогу! Другие упорно ждали чуда, заперев сундуки на замок: шпильки — не еда, не протухнут, пускай полежат. Итог оказался закономерен: цена рухнула на самое дно и больше не поднималась.

Эти горе-дельцы, приехав в Янчжоу, умудрились потерять чуть ли не по лян серебра — колоссальные деньги для деревенских жителей. Все семейные сбережения, которых хватило бы на год безбедной жизни, ушли на оплату этого жестокого рыночного урока, да вдобавок они остались по уши в долгах перед роднёй.

Те же, кто запрятал товар в сундуки, формально убытков не зафиксировали, но легче им от этого не стало. Мёртвый груз невозможно превратить в звонкую монету. Когда к ним в двери стучали кредиторы, им оставалось лишь предлагать в счёт долга те самые злосчастные шпильки.

Но от этих украшений теперь шарахались как от чумы. Кому нужны обесценившиеся безделушки? Люди-то одалживали полноценное, чистое серебро! В итоге вчерашние наглецы пустились в бег. Дорога в родные края им была заказана; они разбрелись по дальним уездам в тщетной надежде сбыть хоть кому-нибудь этот проклятый товар.

Впрочем, у некоторых накопилось столько долгов, что им стало уже всё равно — как говорится, где много вшей, там не чешется. «Денег нет, делайте что хотите», — заявляли они кредиторам.

Пока все мелкие подражатели один за другим шли ко дну, люди сообразили, что лишь семейству Е удалось каким-то чудом проскочить мимо этой катастрофы и выйти сухими из воды.

Соседи принялись заглядывать к бабушке Е, злорадствуя над чужой бедой:

— Вот уж точно: как аукнется, так и откликнется! Сговорились тогда, подлецы, пришли к вам силой выпытывать секрет ремесла. Ну и где они теперь со своими мастерскими? Поделом им! Нельзя творить зло, небо всё видит.

Выслушивая эти вести, бабушка Е лишь качала головой. Её уважение к любимому внуку росло с каждым днём: надо же, порой слов пустил по миру целую свору негодяев! Не зря говорят, что грамотный человек — страшная сила. С этого дня пожилая женщина окончательно решила, что отныне Е Сяои станет главой их маленькой семьи, и во всём нужно полагаться только на его решения.

Эта история наглядно показала Е Сяои, насколько близоруки и завистливы деревенские жители. Если он решит снова заняться делом, то уж точно не станет открывать мастерские в этих краях.

Поэтому, когда он предложил перебраться в город, бабушка Е согласилась без малейших колебаний. Она тут же принялась увязывать узлы, предвкушая, как утрёт нос младшему сыну, осевшему в уездном центре: дескать, смотри, старуха сама сумела разбогатеть и обустроить жизнь!

Однако Е Сяои быстро остудил её пыл:

— В уездный город? Нет, бабушка. Мы едем в сам Янчжоу!

Янчжоу славился обилием книжников и утончённых литераторов. Там царила высокая академическая атмосфера. Е Сяои, считавший себя в глубине души обычным неучем, надеялся, что, наслушавшись заушных споров и витиеватых речей местных мудрецов, он и сам со временем пропитается благородным духом каллиграфии и поэзии.

В конце концов, изящный слог — это тоже язык. Чтобы изъясняться на нём легко и непринуждённо, требовалась постоянная практика. Было бы глупо упускать возможности, которые дарил Янчжоу с его неповторимой творческой средой.

К тому же юноша заметил за собой странную особенность: он наизусть помнил всё, о чём беседовал с Мо Юэ, и мог слово в слово воспроизвести его рассуждения. Стоило же ему сесть за книги в одиночку, как знания улетучивались из головы. Размышляя об этом, Е Сяои решил прибегнуть к методу ассоциативного обучения: завести знакомство с парой-тройкой эрудированных, любящих похвастаться своими знаниями начётчиков. Если проводить с ними дни напролёт и позволять им блистать умом, его собственный багаж знаний начнёт

пополняться сам собой.

Бабушка Е так и замерла, поражённая смелостью внука. В сам Янчжоу? Да она за всю жизнь ни разу не бывала в столь роскошных краях!

— Сяо И, внучок, — с тревогой в голосе проговорила она, — в Янчжоу ведь дома стоят безумных денег, да и жизнь там весьма дорогая. Мы только-только купили лошадь, откуда у нас средства на переезд в такой огромный город?

— Насчёт серебра не беспокойся, у нас его предостаточно, — беспечно отмахнулся Е Сяои.

Бабушка и не подозревала, что не так давно он вместе с Мо Юэ побывал на пастбищах и приобрёл великолепную Потешную кровью лошадь, которая стоила целую тысячу золотых лянов. Она вообще не догадывалась, что в их распоряжении теперь две лошади. Из-за того, что вокруг их двора постоянно крутились подозрительные типы и мелкие воришки, Е Сяои благоразумно решил пока не приводить драгоценного скакуна домой.

Уж слишком нежным и прихотливым оказался этот породистый зверь: корма ему требовались отборные, от укусов гнуса его следовало оберегать, беречь от холода по ночам и не оставлять на солнцепёке. Для ухода за ним пришлось бы нанимать отдельного конюха. Не мудрствуя лукаво, Е Сяои просто оставил коня на попечение опытных смотрителей конюшни, решив забрать его сразу после новоселья.

Всеми финансовыми делами заправляли только Е Сяои и Мо Юэ, ведавший доставкой товара. Старушка даже примерно не представляла, какими суммами они ворочают, но стоило ей услышать о тратах на аренду или покупку жилья, как у неё начинало щемить сердце. Деньги ведь даются нелёгким трудом, к чему разбрасываться ими направо и налево?

— Наш уездный город тоже неплох, — попыталась уговорить его бабушка. — Там живёт твой дядя Е Цай. Поселимся рядышком, он в свободное время сможет помочь тебе с учёбой. Зачем нам этот Янчжоу?

За всю свою жизнь пожилая женщина не встречала чиновников рангом выше уездного судьи, и префектура казалась ей чем-то невообразимо далёким и пугающим. Да и какие выгоды могут быть в большом городе? Старушка привыкла мерить жизнь простой меркой: беречь каждый грош, копить и во всём себе отказывать, чтобы дольше протянуть на сбережениях в тишине и покое.

Но Е Сяои был вылеплен из совсем другого теста. Бывший наследник конгломерата «Гиндза», привыкший швыряться золотом направо и налево, с трудом вытерпел полгода этой полунищей, суровой жизни. Теперь, когда в его карманах приятно звенела монета, он желал лишь одного — поскорее выбраться из этой глухомани и окунуться в пёструю, полную соблазнов жизнь Янчжоу.

— Не хватит — возьмём в долг, делов-то, — с привычной беспечностью ухмыльнулся он. — К тому же Мо Юэ скоро развернёт дела в самом Янчжоу, так что нам в любом случае удобнее жить там.

На самом деле после покупки коней у них оставалось ещё без малого двадцать тысяч лянов серебра. Впрочем, Е Сяои намеревался пустить эти средства в оборот в самое ближайшее время. Чтобы у бабушки не случился удар от таких сумм, он решил помалкивать. Да и болтлива она была изрядно, любила прихвастнуть перед соседками. Сболтнёт лишнего — и считай, сама пригласит воров в дом: «Заходите, люди добрые, у нас тут гора серебра лежит, не стесняйтесь».

— Дела в Янчжоу? — Глаза бабушки загорелись, и она мгновенно погрузилась в сладкие грёзы.

Если Мо Юэ и внук сумели заработать на породистого коня, сидя в захолустной деревне, то в Янчжоу они без труда купят собственную усадьбу! Тогда она станет полноправной хозяйкой городского дома. Вообразив это великолепие, старушка воспрянула духом и уже мысленно паковала вещи, готовая мчаться навстречу новой роскошной жизни.

Однако о приличиях забывать не следовало. Бабушка Е посерьёзнела и обратилась к внуку:

— Сяо И, хоть мы с твоим дядей и разругались в пух и прах, нельзя забывать о долге. Твоего отца давно нет в живых, и все эти годы вы с сестрой и матерью выживали во многом благодаря его помощи. Раз уж мы уезжаем насовсем, прилично будет известить его и пригласить на новоселье, как того требуют обычаи. Иначе люди заплуют нас, назовут неблагодарными и непочтительными.

В этих краях сыновняя почтительность стояла превыше всего, а для образованного человека малейшее обвинение в неблагодарности могло навсегда разрушить репутацию. Именно поэтому сючай Е Цай, несмотря на свой склочный нрав, был вынужден столько лет тянуть на себе семью погибшего старшего брата.

Е Сяои хлопнул себя по лбу:

— Точно! Чуть не вылетело из головы. Я ведь младший в роду, а он старший — уехать не попрощавшись действительно некрасиво. Ладно, навестим их перед дорогой.

К тому времени Мо Юэ уже приобрёл просторную усадьбу в Янчжоу и ждал их там. Е Сяои вместе с сестрой Е Сяомэй и бабушкой отправился в уездный город, намереваясь сразу после визита к дяде пересесть на повозку до Янчжоу.

В этот раз они не стали красться к чёрному ходу, а подошли прямо к парадным воротам богатого поместья Ван, где жил его дядя, примаком вошедший в купеческую семью.

Бабушка Е лелеяла надежду показать спесивой родне, что их ветвь рода тоже поднялась на ноги, и войти в дом с гордо поднятой головой, как и подобает почтенной гостье.

Однако они не учли одного — привратники у ворот поместья Ван славились редкостным высокомерием.

Едва завидев стоявшую у порога троицу — согбенную старуху, маленькую девочку и юношу в скромных одеждах, — надменный слуга даже не подумал доложить о визитерах. Он брезгливо скривился и гаркнул во весь голос прямо в открытые ворота:

— Эй! Опять побирушки притащились!

<http://bllate.org/book/18182/1754003>